

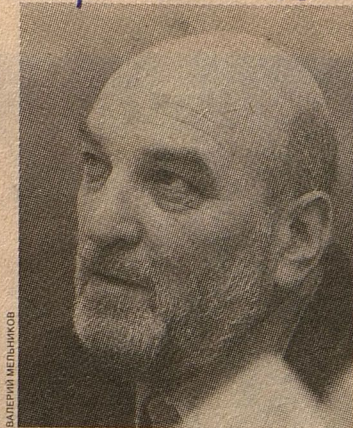
«Работать в театр можно идти, когда некуда податься»

Алексей Петренко сыграет Фирса у Эймунтаса Някрошюса

Каширский. — 2003 — 5 июля. — с. 9.

премьера театр

В Москве знаменитый литовский режиссер Эймунтас Някрошюс заканчивает репетиции спектакля «Вишневый сад». В антрепризном продюсерском проекте Фонда Станиславского заняты известные московские актеры. Роль Фирса исполняет АЛЕКСЕЙ ПЕТРЕНКО, после долгого перерыва возвратившийся на сцену. Перед премьерой он ответил на вопросы РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО.

ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ

— А вы видели раньше спектакли Някрошюса?

— Видел «Дядю Ваню», но это было давно. Про остальные спектакли читал и много слышал.

— Эймунтас Някрошюс, кажется, человек корневой, крестьянской закалки, нестоличный такой человек. Вы тоже родом из глубинки. Нашли в нем родственную душу?

— Я думаю, что все особенное, своеобразное рождается там, где тишина и где нет внешних влияний. Он до учебы в театральном вузе прожил в условиях, можно сказать, природных, удаленных от цивилизации. И до всего доходил сам, своей интуицией и умом. Он до сих пор пользуется впечатлениями детства, такими вот негородскими воспоминаниями. Я это принимаю, потому что наши корни схожи. Только он из Литвы, а я с Украины, я на хуторе родился. Так что в этой работе действительно многое возвращает меня в детство.

— Чеховеды считают, что имение Раневской и Гаева находится где-то в районе Харькова, то есть в ваших родных местах. Вы чувствуете родные мотивы в самой пьесе?

— Понимаете, на московских землях вишня хорошо не растет. Украинскую классику вы имеете право не знать, но вот у Шевченко в одном стихотворении есть такая типичная украинская картина: «Садок вишневый, колохатый, хрущи над вишнями гудуть». А в русской

литературе, кроме как у Чехова, больше никаких вишневых садов нет.

— Някрошюс долго разъяснял вам свой замысел?

— Мы за столом пьесу не читали, сразу вышли на сцену. Сначала репетировали в Вильнюсе, то есть у него на родине. Это взгляд другой нации на русскую классику, издаেকে.

— Неужели они так далеко от нас ушли?

— Отличаются они по всему укладу, по взгляду на жизнь, по невероятной сосредоточенности и требовательности. Другой у них взгляд на природу, очень развито чувство родства между растениями и людьми, животными и людьми, землей и людьми. Зайдешь в лес — а там чисто, они уважают лес. В отличие от нас, к величайшему сожалению. Чем-то литовцы похожи на японцев в этом смысле, что трогательно относятся к цветам, к деревьям. А у нас не воспитывают этого, что очень печально. Мы 15 дней репетировали и жили в Литве.

— У вас было какое-то свое видение роли Фирса или вы пришли к режиссеру «чистым листом»?

— Знаете, мы как-то объединили то, что я видел, и то, что хотелось режиссеру. Он решает роль иначе, чем прежде. Таким образом, я на склоне лет своих и профессионального дела счастливо получил роль, которую всегда играли люди, которые прожили в искусстве хорошую, счастливую жизнь. На моей памяти — Евстигнеев, Лебедев... Вообще театр — дело молодое. После

шестидесяти надо быть осторожным и совестливым. Лучше вовремя убраться из него вон, если не можешь священнодействовать.

— Вы поэтому так давно не появлялись на театральной сцене? Предложения ведь наверняка были...

— Я уже зарекся было и много лет к театру не подходил и близко. Но теперь вот зарок нарушил. Все-таки это может быть последней ролью на театре... Мне много предлагали играть, причем роли, которые я по возрасту уже проскочил вроде бы. Пытался удержаться. Но не удержался. Я последнее время театр почти не воспринимал. Жизнь кажется мне более интересной. Работать в театр можно идти, когда некуда податься. А когда свою собственную жизнь можно разглядывать как театр, то зачем идти в чужой театр? Надо уже думать о вечных вещах, о том, как закончить жизнь достойно, не играючи. Но вот этот поход мой в почти забытое дело принес мне какую-то новую неожиданную радость.

— А вы как зритель ходите в театр?

— Лет восемь не был. Знаете, мы жили в одной системе, теперь — другая, на сцене другие пьесы, по-другому все это выглядит и часто шокирует, даже корбит, а бывает даже, что для души вредно смотреть. Не знаешь, куда упадешь.

— Ну вот молодежь театральная вам же понравилась. Может, и в современных спектаклях не так все страшно?

— Дело не в том, что страшно или опасно. Ну я вот, например, никогда не беру в руки мобильный телефон. Мне нравится старый, домашний, я там вижу провода и трубку, и диск можно крутить. И к компьютерам отношусь соответственно своему знанию о них, то есть никак. Непредвзято, но как к чему-то необъяснимому. Пусть компьютер живет сам по себе, а я тоже сам по себе. Так оно правильнее.

Премьерные показы «Вишневого сада» пройдут с 10 по 14 июля на сцене Культурного центра СТД.